Моск. новости. – 1997. – 31 авг. – 7 сент. – с. 22

Елена Майорова: «Я не защищена от своих ролей»

Трагически погибшая Елена Майорова была ведущей актрисой Художественного театра, в спектаклях которого она играла все главные роли. Она находилась на пике своей актерской судьбы. Последнее интервью в своей недолгой жизни Елена Майорова дала журналистке радиостанции «Эхо Москвы» Ксении Лариной.

– В «Трех сестрах», последней премьере Ефремова, ты играешь одну из центральных ролей. Маша – это мечта любой актрисы, роль, которая должна принести счастье.

– Когда Олег Николаевич спрашивал у нас: «Почему вы хотите играть эти роли, почему вы хотите играть «Три сестры»?» – я как-то по-глупому, совершенно искренне отвечала: «Понимаете, сама роль Чеховым написана так великолепно! И потом она – самая выигрышная, потому что Маша любит, она страдает». Роль меня просто увлекла. В принципе на меня каждая роль действует. Я не защищена от своих ролей. Когда я репетирую, когда близка к премьере, к выпуску спектакля, я всегда схожу с ума, становлюсь тем же персонажем, которого играю. Это плохо, надо уметь защищаться. Эта Маша меня тоже замучила. Мы искали, какой же у нее характер? Олег Николаевич настаивал, что в этом характере очень много от меня самой, что мне не надо ничего играть, придумывать. Чтобы не было ничего штампованного. Но мне как раз хотелось именно штампованного. Потому что я думала: «Это такая женщина!» Я долго не могла найти идеального представления об этом образе, прототип хотя бы. Мне как раз хотелось уйти от себя, а Олег Николаевич просил наоборот: «К себе, к себе, и познавай характер. Этот характер – вот такой, вот она – резкая, грубая, она и врезать может». Когда мы ругались, спорили, я говорила: «Олег Николаевич, вы мне же дали эту роль, я своим голосом буду это делать, своими глазами, своим телом, своими движениями, своим сердцем, почками, легкими. Раз вы мне доверили, так давайте пойдем по пути познания меня, а я, например, стеснительная, я не могу такие вещи говорить». Мы долго спорили в одном месте, в первом акте – меня коробило ужасно, как она отзывается о Наташе, и вслух, будто сплетничает. Я думала: «Как Чехов все это написал?» Мы очень долго ругались. Я кричала, что это просто хамство. Олег Николаевич отвечал: «Нет, это вы – хамы! Вы!»

– В итоге он остался доволен? Получилось?

– Ну, сейчас-то я думаю, он очень доволен. И мы все довольны, потому что за месяц, полтора месяца до премьеры у нас начал получаться этот ребенок. Очень мучительная была жизнь. Ефремов несколько раз хотел снимать меня с этой роли. Да, я это знала. Это тоже было ужасно. Но я – гордый человек. Ну что же мне делать, если я это все знаю? Ходить, продолжать репетировать? Но я уже не верю в себя. Режиссер должен меня приласкать, полюбить, тогда я оживаю. Я как ребенок. Это естественно. Мы артисты. Ласкать, любить, тогда мы расцветем и все вернем сторицей. Постепенно он понял, что со мной надо именно так работать, и не только со мной. Он стал хвалить росточки роли. И мы расцветали.

– Любой актер хоть раз в жизни соприкасался с чеховской драматургией и, наверное, думает, что это играно-переиграно. Все эти слова: «Зачем живем, зачем страдаем?» Меня вот что интересует – для тебя важен вопрос целомудрия Маши? Она изменила мужу? Или это неважно?

– Да, конечно, она изменила. Но как? Она не могла не изменить! Такие обстоятельства. И вообще, чтобы произнести эту фразу: «Зачем страдаем, зачем живем», надо очень верить в то, что говоришь. Это моя профессия. Я должна действительно верить в то, что я делаю. Поэтому роли воздействуют на меня в жизни. Надо от них освобождаться. Некоторые артисты умеют... Они говорят, вот я анекдот рассказываю, а потом бах – и на сцену. И сразу же рыдают. Я так не могу.

– Я вспоминаю слова Ирины Муравьевой, которая в какой-то момент для себя решила, что не будет играть отрицательные роли, потому что они на нее действуют: «Возвращаюсь домой и себя не узнаю. Это омерзительно. Я понимаю, что эта баба во мне живет. Зареклась – не буду».

– Молодец, мужественная женщина. Я, честно говоря, тоже так думала: не буду играть отрицательные роли, но сейчас мне в кино пришлось играть отрицательную роль. И она на меня сильно подействовала. Близкие переживали вместе со мной. Надо уметь защищаться. Если ты по наивности, по простоте душевной, которая хуже воровства, не можешь сказать игре «стоп», она продолжается в жизни, потому что ты ее примеряешь на себя , с нею живешь, не можешь от нее освободиться. Кончилась репетиция – и все, я теперь – Лена Майорова. Нет! Я, как сумасшедшая, иду и повторяю, играю, произвожу впечатление какой-то идиотки, когда возвращаюсь по Тверской домой и бормочу что-то себе под нос. С другой стороны, это мой способ жизни. И я даже не представляю себе другого.

– Роли, которые идут уже в репертуарном конвейере, тебя тоже не отпускают? Старые спектакли, которые ты играешь уже сотый раз...

– Отпускают. Все-таки отпускают. Тут срабатывает какая-то защита. Энергия театра и зрителя, этот взаимообмен дает все-таки жизнь, а не смерть. Например, если я в спектакле умираю и плачу, люди в зале плачут со мной, а я выхожу совершенно счастливая и роль забываю... На меня действуют те роли, которые я сейчас, только сейчас, рождаю.

Елена Майорова (Маша), Вячеслав Невинный (доктор Чебутыкин) и Виктор Гвоздицкий (Тузенбах) в «Трех сестрах» во МХАТе

– Окончив ГИТИС, мастерскую Олега Табакова, ты ушла оттуда и решила не возвращаться к нему в подвал. Наверняка тебя звал мастер, не мог не звать.

– Звал, конечно. Я вроде бы даже согласилась, но не пошла. Все, наверное, кроется в том, что я провинциалка. Для меня сцена, театр – как детские мечты. Тогда я мечтала не о подвале, а о сцене с занавесом, с кулисами, с большим зрительным залом. Когда я попала на курс к Олегу Павловичу Табакову, я, естественно, стала его соратницей, мы этот подвал-студию строили, и я была совершенно счастлива. Но нам обрубили крылья – не дали театра. Это был такой удар. Мы собирались еще целый год по инерции, хотя уже все работали в разных театрах. Я – в Театре миниатюр, который потом стал театром «Эрмитаж». И после репетиции или до спектакля мы приходили все в свой подвал, в свободное время играли спектакли. Но однажды, когда мы там особенно бурно общались, нас оттуда погнали. Олег Павлович набрал уже другой курс, и ему было не совсем до нас. Мы ревновали дико – как же так? В подвал, который строили мы, нам нельзя приходить? А какие-то малявки – на готовенькое? Потом, конечно, мы подружились. Но это была боль. Вернуться туда, где больно, значит, нарушить инстинкт самосохранения.

Я уже была во МХАТе, и Олег Павлович был во МХАТе. Мы вместе играли спектакли, а у меня сложилась компания молодежи – Дима Брусникин, Рома Козак, Саша Феклистов, Полина Медведева. У нас был спектакль «Дни Турбиных», где я играла Елену Васильевну. Поставил спектакль Коля Скорик. Он нас всех собрал, объединил; Ефремов на нас как бы не обращал внимания, но разрешал нам играть на малой сцене. Я играла на большой сцене в «Амадее», все у меня здорово складывалось. В «Чайке» сыграла Нину Заречную, Зинулю – в спектакле Гельмана, и вдруг Олег Павлович говорит: «Все, нам дают театр, перестройка, Ленка, ко мне!» Я сказала: «Конечно», но расстроилась. И Олег Павлович, видимо, сам поговорил с Олегом Николаевичем. Ефремов ему сказал: «Нет, не отдам, пускай она работает у тебя на разовых». Потом подошел ко мне. Я ответила: «Да, Олег Николаевич, я ухожу. Табаков – мой учитель, я должна уйти». На что он сказал: «Табаков – твой учитель, но мой ученик, я с ним поговорю и никуда тебя не отдам». Так и получилось. Правда, Олег Павлович обиделся. Я помню на одном из представлений «Амадея» в ответ на мой вопрос по ходу спектакля: «Как поживаете, Ваше Превосходительство?» – сказал: «Спасибо, хорошо.., змеища!». Но не «змеища», а в рифму нечто иное. Однако прошло время, Олег Павлович смирился и даже пригласил меня сыграть в нашем дипломном спектакле по пьесе Володина. И я играла. Потом даже мы затевали новый спектакль, но я уехала на гастроли в Японию. Вот так. Трудно сделать в жизни выбор, когда есть что терять.

– Елена Майорова в роли Маши – смесь аристократизма с этакой ехидцей. Яркие эмоциональные куски сыграны очень сдержанно. Ты не так страдаешь в жизни, как Маша? Ты более открытый человек?

– Нет, не могу сказать. Я и открытый, и закрытый, в зависимости от обстоятельств. Я – человек переменчивый , «близнец». Но в Маше я сдерживаюсь действительно. Я особенно не могу сказать, что слежу за манерами, но руки приходится иногда сдерживать. У меня был интересный случай, когда я влилась в «Чайку» после Насти Вертинской. Настя Вертинская – эталон женственности, красавица, умница. И вдруг выводят меня, я начинаю повторять ее рисунок и становлюсь дурной копией. Уже махнули рукой: «Неудача, ладно, не будем ставить». Сам Ефремов так подумал. Но вышло так, что, когда в Японию поехали, я там Нину играла, потом в Москве... И я как-то раскусила эту Заречную, и стала играть саму себя, то есть девушку с Сахалина, которая мечтает стать актрисой. В первом акте я, как девчонка, прыгала, бегала и была счастлива... Во втором – на контрасте играла женщину. Помню, один зритель сказал: «Лена, ты меня убила. После антракта во втором акте вышел другой человек». О, как я возгордилась, какая я была счастливая!

– Складывается впечатление, что самые удачные работы ты делаешь сама.

– Я сама с божьей помощью и с помощью режиссера, который в этот момент тоже подобен Богу.

– Ты можешь сказать, что у тебя есть режиссер, который знает тебя как артистку?

– Один хороший режиссер Салюк подметил во мне странную особенность: меня при определенной вибрации может взять каждый. Не могу сказать, что у меня есть конкретный режиссер, который меня открыл, – я буду принадлежать только ему. Клянусь, я могу работать с любым режиссером, пробовать, искать, ошибаться, творить...

– В кино, в отличие от театра, у тебя есть амплуа – социальная героиня. Наш современник.

– Не могу согласиться, у меня разные роли. Я начинала с «Дядюшкиного сна». Раньше меня не идентифицировали с этой героиней, потому что я перешла на другие роли – проводницы, буфетчицы. Меня пробовали на классику, но никак не могли утвердить. А сейчас у меня есть имя, и люди вспоминают, что, оказывается, Майорова играла в «Дядюшкином сне». Удивительно. Сейчас у меня классическая роль у того же режиссера Александра Орлова. Это Глафира в экранизации романа «На ножах». Злая, роковая женщина, убийца... Это ужасно, но она страдает. Это Лесков. У него всегда добро и зло четко разграничены. Может быть, я взрослею...

– Среди всех ролей есть ли героиня, которая ближе всего к тебе, к Лене Майоровой?

– Трудно вспомнить. В тот момент, когда я репетирую и выпускаю роль, я теряю свою личность и живу вместе с этой героиней. Потом мне удается вернуться к себе. Вообще, нет таких героинь, как я. Конечно, я их всех наделяю собой. Но голос все равно мой и сердце мое.

– Я вспоминаю всех учеников табаковских. Их всех швыряет и кидает, они не могут существовать в одном качестве. Поставить, преподавать, написать... Не было у тебя таких желаний?

– Не хочу, не понимаю в этом ничего. И не буду соваться туда... Я действительно ловлю кайф от того, что я в театре, себя постигаю. Иногда делаю то, что не ожидала.

– Я вспомнила одно интервью Любимова. На вопрос: «Почему вы не даете импровизировать актерам?» он отвечает: «Им дай поимпровизировать – они все растащат по углам».

– Вот Гинкас. Он достаточно жесткий режиссер. Четко скелет делает, ставит рельсы, а потом внутри этого жесткого каркаса мы начинаем играть спектакль. Ты уже не думаешь о генеральной линии. Спектакль от этого не разрушается. Это удивительно. Я не думаю о сверхзадаче, потому что она у меня в крови. Вот сегодня я буду играть Машу, а как я буду играть – не знаю. Буду импровизировать. Вот странно у актеров: как только роль уходит из твоей жизни (например, спектакль снимают), а потом просят тебя о ней вспомнить, ты не можешь вспомнить ничего. Я запоминаю ногами больше.

– Ты почувствовала, полетела... А как потом повторить?

– Второй спектакль пытаешься повторить, а третий уже заново рожай.

– От чего это зависит?

– Это и есть вдохновение, вероятно. Когда тобой движет какой-то образ.

– «Если бы я забывалась на сцене, то упала бы в оркестровую яму», – говорила Раневская.

– Ты себя контролируешь всегда, все понимаешь. Порой тебя разрывает на части от эмоций. Но в тот момент я вижу – вот партнеры, вот Невинный, Шкаликов... Что это за феномен? Я не знаю. Игра это – не игра?

– Я не спросила про одну из самых главных составляющих творческой профессии – про тыл. Кто помогает тебе жить?

– У меня муж есть, очень хороший. Сережень-ка Шерстюк. Он художник.

– Два сумасшедших?...

– Ну, конечно. Мы оба... Иногда кто-то трезвее, кто-то опьяняется больше. Но в принципе как-то взаимозаменяемы, помогаем друг другу, стараемся, что ж делать.

– Привычен такой штамп, что должны быть безумные страдания, бурная личная жизнь и всякие гадости, сопровождающие такую жизнь.

– Ой, не надо!

– Леночка, надеюсь, «Три сестры» будут жить долгой жизнью. Удачи тебе.

25 июня 1997 г.

ДОСЬЕ «МН»

Елена Майорова играла в спектаклях МХАТа имени Чехова:
«Три сестры», «Тойбеле и ее демон», «Олень и Шалашовка», «Дядя Ваня», «Тартюф», «Трагики и комедианты», «Горе от ума», «Московский хор», «Плач в пригоршню».
Снималась в кинофильмах:
«Одиноким предоставляется общежитие», «Плащ Казановы», «34-й скорый», «Забытая мелодия для флейты», «Парад планет», «Мелкий бес» и других.